

Закалённое стекло экрана оказалось полностью разбито, а экран звонка погас.

Йон, поспешивший к нему, поднял телефон, внимательно осмотрел его и заговорил встревоженным голосом:

— Что же теперь делать? Он полностью разбит.

Глядя на виноватое лицо Йона, Джехёк даже не мог собраться с мыслями, чтобы сказать, что всё в порядке. Вместо этого он выхватил телефон из рук Йона.

— Подожди.

Его пальцы лихорадочно застучали по экрану, но на тёмном дисплее ничего не отображалось.

Он поднёс телефон к уху, но оттуда не доносилось ни звука.

Даже нажатие кнопки питания не давало результата.

Только этого не хватало.

Когда всё идёт наперекосяк, то уж по-настоящему.

Сейчас даже ста извинений перед Сиху было бы мало. И всё же создавалось впечатление, что он просто повесил трубку.

Голова была в полном смятении.

Было бы лучше взять телефон Йона и позвонить?

Нет.

Это было бы очередной ошибкой. Не говоря уже о том, что это доставило бы неудобства и Йону.

Подавляя нарастающую панику, Джехёк заговорил:

— Прости, но мне нужно идти. Случилось кое-что. Можешь передать остальным?

Вернуться сейчас внутрь означало бы окончательно испортить атмосферу. Да и сам он был не в том состоянии, чтобы сидеть за столом. Ему нужно было домой.

Сначала — протрезветь и разобраться с этим бардаком.

— Конечно, я передам.

Видя, какое серьёзное лицо у Джехёка, Йон не стал его останавливать.

Однако, чуть помедлив, он окликнул Джехёка, когда тот уже собрался уходить.

— Сонбэ, можно ваш номер?

— ...Зачем?

Йон виновато улыбнулся.

— Понимаете, сонбэ, вы немного очаровательны. Выглядите круто и невозмутимо, но на самом деле вы довольно наивны. Я знаю вас недолго, но вы мне нравитесь.

Джехёк безучастно уставился на него.

Он не был до конца уверен, что тот имел в виду, но, похоже, в словах не было злого умысла.

Сегодня он был слишком вымотан, чтобы ввязываться в очередной конфликт, поэтому просто согласился.

— ...Не знаю, что ты имеешь в виду, но я дам тебе номер. Телефон сломан, так что до починки ты до меня не дозвонишься.

— Меня это устраивает.

Йон быстро протянул свой телефон.

Джехёк глубоко вздохнул и вбил свой номер.

Глядя, как он набирает цифры, Йон усмехнулся и спросил:

— Вы уверены, что не хотите, чтобы я проводил вас домой?

— Я сам. Увидимся позже.

Джехёк даже не заметил разочарованного выражения лица Йона.

Он направился напрямик к станции Синнонхён, чтобы сесть на автобус.

Там ходил экспресс-автобус, который шёл прямо до кампуса, и это было быстрее, чем на метро.

Пробираясь сквозь людные улицы, он наконец вышел к центральной автобусной полосе.

Дороги были забиты красными экспресс-автобусами, повсюду сновали люди.

Джехёк мгновение наблюдал за этой толпой, а затем отошёл в наименее людное место.

Теперь, когда он остался наконец один, мысли запутались ещё сильнее.

Значит, теперь нужно покупать новый телефон.

Повреждения выглядели неремонтопригодными — скорее всего, придётся брать новый.

Заплатить сразу или в рассрочку — всё равно это ещё одна ежемесячная трата, о которой нужно беспокоиться.

Я больше не могу брать дополнительные уроки.

У него и так почти не было времени.

Он уже приостановил занятия с репетиторами, так что заработать дополнительные деньги не было возможности.

И не у кого было просить финансовой помощи.

Вся эта тяжесть давила на его плечи.

На мгновение перед глазами промелькнуло лицо тёти, а следом — дяди.

Перестань думать о ней как о настоящей матери.

Знакомый голос эхом отозвался в голове.

Это была его кузина, Чхве Ина.

В отличие от Джинёна, который открыто издевался над ним, Ина никогда не вмешивалась напрямую.

Но однажды она сказала ему это.

Должно быть, в тот день, когда тётя пропустила выступление Ины на фестивале, чтобы прийти на футбольный матч Джехёка.

Я просто эгоистичный ублюдок?

Глухое, тянущее чувство утягивало его вниз.

Он пытался не думать о Сиху и Чхве Ине, но как бы ни старался, мысли возвращались к ним снова и снова.

Наконец подошёл автобус, и он быстро зашёл внутрь.

Должно быть, это был последний рейс, потому что, как только он вошёл, номер маршрута исчез с табло.

Он достал кошелёк и приложил транспортную карту.

Писк.

Резкий, зловеющий звук пронзил тишину, за ним последовал автоматический голос:

«Недостаточно средств».

У него не было даже двух тысяч вон.

Надо было пополнить карту.

Джехёк перевёл взгляд с выжидающего лица водителя на очередь, стоявшую за ним. Не говоря ни слова, он вышел из автобуса.

Он лихорадочно обшарил карманы.

Пусто.

Он совсем забыл, что в начале встречи они скинулись деньгами.

Хуже того, у него с собой не было ничего, кроме транспортной карты.

Дебетовая карта осталась дома.



Это была привычка — он намеренно не брал её, чтобы избежать лишних трат.

Теперь же это оставило его совсем без денег.

С губ сорвался сухой, горький смешок.

Джи Джехёк обошёл стоящих вокруг людей и опустился на длинную скамью на автобусной остановке. Он сел на самый край, рассеянно глядя в пустоту.

Был один выход — вернуться и занять деньги у Рины или кого-то из остальных.

Но одна мысль об этом вызывала в нём чувство собственной ничтожности. Это было изнурительно, удушающе. Всё ему так осточертело, что он просто сидел неподвижно. Даже когда разум твердил: «Надо идти домой. Я должен идти домой», — тело отказывалось слушаться.

Всё пошло прахом.

Он не считал себя жалким. В мире было полно сирот, и бесчисленное множество людей жило в гораздо худших условиях, чем он. Он не пытался сравнивать себя с ними, но знал, что ему повезло. Уже тот факт, что у него была возможность заниматься тем, чем он хотел, служил тому доказательством.

И всё же иногда быть одному было невыносимо. Если бы у него никогда не было семьи,

возможно, было бы легче. Но Джехёк знал, что такое счастье, — его детство было наполнено им. Если бы он никогда не испытывал этого, возможно, он бы не скучал, но он не мог просто притвориться, что этого никогда не было.

Он не проронил ни слезинки с тех пор, как умерли его родители. И всё же сейчас он чувствовал жжение в уголках глаз, нарастающий жар. Глаза были сухими, воспалёнными. Он крепко сжал губы и опустил голову.

С чего это я вдруг стал таким чувствительным?

— Джи Джехёк.

Прямо перед тем, как слёзы готовы были пролиться, знакомый голос окликнул его сверху. Он медленно поднял голову и, увидев, кто стоит перед ним, изумлённо распахнул глаза.

— Что ты сидишь здесь и плачешь в одиночестве?

Перед ним стоял Юн Сиху — растрёпанный, запыхавшийся, будто бежал со всех ног.

— ...Что?

Это не имело смысла. Сиху не мог быть здесь. Его не было в баре, и среди всех автобусных остановок в городе не было никакой возможности, чтобы он нашёл его случайно. Может, это галлюцинация? Это правда? Джехёк моргнул, пытаясь прояснить зрение, и в тот миг по его

щеке скатилась одинокая слеза.

Сиху, наблюдавший за ним с серьёзным выражением лица, нахмурился. Его глубокий, полный противоречий взгляд скользнул по Джехёку, и он тихо вздохнул. Затем присел на корточки, чтобы встретиться с ним взглядом. Его длинная, хорошо сложенная рука потянулась к нему, и ладонь мягко легла на его щёку.

— Не плачь.

Сиху выглядел так, будто только что пришёл из дома — простой белой футболке, джинсах и кедах. И даже сейчас он выглядел безупречно круто.

Это осознание вдруг поразило Джехёка — насколько они не подходят друг другу как друзья. Я — полный раздрай, а Сиху всегда выглядит хорошо, что бы ни случилось.

— ...Прости, что разозлился. Я не хотел доводить тебя до слёз. Так что, пожалуйста, не плачь, хорошо?

Джехёку следовало извиняться, но каким-то образом роли поменялись. Возможно, потому что прошло так много времени — с самого детства, по сути, — с тех пор, как кто-то утешал его так. Но почему-то он не мог остановить слёзы.

В тот момент, когда Сиху сказал ему не плакать, по щеке скатилась ещё одна слеза.

Алкоголь — действительно странная вещь. Он имеет свойство усиливать эмоции, которые обычно заперты на замок. Если бы он был трезв, то никогда бы не заплакал. Но теперь мягкий голос Сиху разрушал его защитные барьеры.

Джехёк был так пьян всего три раза. Первый — на вступительной вечеринке на первом курсе. Второй — когда они пили с Сиху недавно. И сейчас, сегодня.

В отличие от прошлого раза, он не засыпал — эмоции выплескивались глубокими, неконтролируемыми волнами. Подогреваемый алкоголем, он наконец произнёс слова, которые хотел сказать:

— ...Прости, Сиху. Это была моя вина. Так что... ты можешь перестать злиться на меня сейчас? Я обещаю, это больше не повторится.

Большой палец Сиху скользнул по его щеке, стирая слезу, прежде чем та смогла скатиться ниже. Прикосновение было таким мягким, таким тёплым — казалось, оно могло растопить его.

Сиху утешал его так, будто они были чем-то большим, чем просто друзьями.

— Нет, это даже не было тем, на что стоило злиться. Я был слишком чувствителен. Я перегнул палку. Так что... ты можешь простить меня?

— За что ты вообще извиняешься? Это я... повёл себя как идиот.

Как бы он ни крутил, это была полностью его вина. Он это знал. Но если бы Сиху мог хоть немного понять его ситуацию, это значило бы очень многое.

— Клянусь, я не сделал этого нарочно. Так вышло. Однокурсник смотрел, когда он попросила номер, а с этими слухами о моём расставании с Риной... я просто, — Джехёк судорожно вдохнул, сжимая руки в кулаки. — Я так устал от того, что люди обо мне говорят. Я ненавижу ввязываться в драму. Но я пожалел об этом в ту же секунду, как дал ему твой номер.

Сиху просто слушал, позволяя Джехёку выговориться.

Слёзы уже высохли, но рука Сиху всё ещё лежала на его лице. Тепло ладони приятно контрастировало с жаром, всё ещё пульсировавшим вокруг глаз Джехёка. Его нежное прикосновение, то, как пальцы скользили по чувствительной коже, — было щекотно, но не неприятно.

— ...Кто такая Рина?

Сиху не знал. Они никогда не лезли в личную жизнь друг друга, поэтому Сиху никогда раньше не спрашивал о ней. После их последней пьянки он, вероятно, понял, что Джехёк с кем-то расстался, но никогда не вдавался в подробности.

В голове всплыли слова Иджуна. Можно ли назвать это близкой дружбой, если вы ничего не знаете о личной жизни друг друга?

— ...Моя бывшая девушка.

При этих словах тёмные карие брови Сиху дрогнули.

— Вы расстались, но ты всё ещё называешь её по имени?

— Это странно?

Джехёк посмотрел на Сиху с озадаченным выражением лица. Сиху прижал большой палец к его губам, на мгновение задумался, а затем изменил вопрос:

— Почему твой факультет говорит о тебе и этой девушке?

Вопрос сдвинул грудь Джехёка. Отводя взгляд, он пробормотал:

— Люди любят придумывать слухи. Им кажется, что сплетничать — это весело.

<http://bllate.org/book/13227/1741684>